

УДК 930.26(470.4)

ББК 63.48(2)

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРИОДИЗАЦИИ РАННЕСАРМАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

П.А. Коробков

В статье проведен анализ литературы о периодизации раннесарматской культуры. Показаны дискуссионные проблемы сарматской археологии, связанные с терминологией и периодизацией раннесарматской культуры. Выделен вопрос о статусе памятников II–I вв. до н. э. в Нижнем Поволжье.

Ключевые слова: раннесарматская культура, периодизация, прохоровская культура, археология, Нижнее Поволжье, хронология.

Периодизация сарматской культуры в основных чертах была намечена уже к концу 20-х гг. XX в. в трудах П.С. Рыкова, П.Д. Рау и Б.Н. Гракова. В 1924–29 гг. активные полевые работы в Заволжье и Волжском правобережье вел П.Д. Рау. Он, основываясь на известных ему на то время сарматских памятниках Нижнего Поволжья, выделил две ступени: Stufe A (раннеримскую – конец I в. до н. э. – конец II в. н. э.) и Stufe B (позднеримскую – III–IV вв. н. э.) [36].

Одновременно с П.С. Рыковым и П.Д. Рау исследования в Заволжье и Южном Приуралье проводил Б.Н. Граков. В 1925–26 гг. он раскапывал курганы в Поволжье у сел Blumenфельд, Харьковка и Кано. В Оренбургском уезде близ поселка Нежинка он исследовал курганы, которые дали группу новых погребений, сходных с ранее раскопанными крестьянами и доследованными в 1916 г.

С.И. Руденко погребениями в курганах у с. Прохоровка. Это дало основание Б.Н. Гракову объединить их в одну «Прохоровско-Неженскую культуру», которую он датировал IV–I вв. до н. э. [6, с. 154].

Таким образом, выделенные П.Д. Рау две хронологические ступени сарматских древностей римского времени и Б.Н. Граковым Прохоровско-Нежинская культура охватывали весь период развития культуры сарматских племен.

В дальнейшем в эту периодизационную схему стали вноситься изменения хронологического и терминологического порядка. В середине 40-х гг. XX в. К.Ф. Смирнов, основываясь на выборке, включающей более 300 погребений, предложил другие датировки и другие названия двух последних стадий, выделенных П. Рау. Основой для проверки дат сарматских памятников Поволжья и Южного Приуралья послужили прежде всего меото-сарматские погребения Прикубанья I в. до н. э. – I в. н. э., которые, по мнению К.Ф. Смирнова, дали все главные типы вещей – ступень «А».

Начало среднесарматского этапа (Stufe A, по п. Рау) К.Ф. Смирнов отнес к I в. до н. э., а начало следующего, позднесарматского этапа (Stufe B, по П. Рау) не к III в. н. э., а ко II в. н. э., «так как уже во II в. мы имеем налицо все руководящие типы вещей этой стадии» [29, с. 76]. Завершение позднесарматского этапа К.Ф. Смирнов относил к IV – началу V в. н. э., когда сарматы теряют свою политическую самостоятельность в результате гуннской экспансии.

К.Ф. Смирнов впервые в кандидатской диссертации, защищенной 17 апреля 1946 г., приводит периодизацию савромато-сарматских древностей, включающую четыре стадии: савроматскую (VI–IV вв. до н. э.); раннесарматскую (IV–II вв. до н. э.); среднесарматскую (конец II в. до н. э. – начало II в. н. э.); позднесарматскую (II–IV вв. н. э.). Причем эти стадии, как считал К.Ф. Смирнов, отражают развитие одной культуры кочевого народа [6, с. 75].

В 1947 г. в «Вестнике древней истории» вышла получившая большую известность статья Б.Н. Гракова, посвященная периодизации сарматской культуры. В ней воспроизводились те же периоды, что и в вышеназванной работе К.Ф. Смирнова. Б.Н. Граков также исходил из идеи этнического единства савроматов и сарматов, а четыре хронологические группы памятников, выделенных им по отличиям погребального обряда, являлись ступенями, или стадиями, единой сарматской культуры. Новым, пожалуй, было то, что он ввел понятие «культура» для каждой из ступеней, создав таким образом прецедент выделения в рамках одной культуры нескольких культур. Кроме того, каждой из культур он дал еще название по одному из наиболее типичных для них археологических памятников [7].

После выхода в свет статьи Б.Н. Гракова в археологической литературе прочно утвердилась четырехчленная периодизация савромато-сарматской культуры, в которой 1-я ступень – савроматская, или блюменфельдская, культура – датировалась VI–IV вв. до н. э.; 2-я ступень – савромато-сарматская, или прохоровская, культура – IV–II вв. до н. э.; 3-я ступень – сарматская, или суловская, культура – с конца II в. до н. э. до II в. н. э.; 4-я ступень – аланская, или шиповская, культура – II–IV вв. н. э. [7, с. 104, 105].

В результате разработки в первой половине XX в. хронологии и создания археологической периодизации сарматских древностей первая в хронологическом отношении собственно сарматская культура была датирована IV–II вв. до н. э. В дальнейшем за этой культурой закрепилось два названия: прохоровская и раннесарматская.

Впервые детальная периодизация собственно прохоровской культуры была предпринята М.Г. Мошковой. В ее распоряжении находилась выборка, состоящая из 542 погребальных комплексов на территории Южного Приуралья, Башкирии, междуречья Волги и Урала и Волго-Донских степей. Основываясь на этом материале, она выделила памятники IV, рубежа IV–III и III–II вв. до н. э. Причем IV в. до н. э. является переходным, так как для него еще были характерны элементы савроматской культуры; полное оформление прохоровской культуры приходится на рубеж IV–III вв. до н. э., а в III–II вв. до н. э. происходит ее расцвет. На последнем этапе, по ее мнению, появляются черты, которые будут характерны для среднесарматской культуры. Для каждого периода М.Г. Мошковой были определены хроноиндикаторы, ими являются бронзовые и железные наконечники стрел, разных типов мечи, импортные изделия (иранские блюда, среднеазиатские кувшины и фляги, античные сосуды), зеркала [15].

В последующих работах М.Г. Мошкова корректировала предложенную периодизацию прохоровской культуры с учетом ее территориальных особенностей. Так, периоды ее развития для Южного Приуралья и Нижнего Поволжья различны. В Нижнем Поволжье прохоровская культура появляется в сложившемся виде на рубеже IV–III вв. до н. э. и без изменений существует до конца II в. до н. э. [16, с. 10, 47].

Новые полевые исследования и находки второй половины – конца XX в. дали повод внести коррективы в предыдущие датировки прохоровской (раннесарматской) культуры. На рубеже 70–80-х годов прошлого века А.С. Скрипкин обратил внимание на комплексы в Нижнем Поволжье с фибулами среднеатлантической конструкции, характеризующимися основными чертами раннесарматской культуры. Фибулы этого типа датировались преимущественно второй половиной II–I вв. до н. э.

Проверив все известные ему комплексы Волго-Донского региона с фибулами до позднесарматского времени, он пришел к выводу о том, что комплексы с фибулами, датированные второй половиной II – I в. до н. э., коррелируют с основными элементами, характеризующими раннесарматскую культуру, а комплексы с фибулами, датированные I – первой половиной II в. н. э., – с основными признаками среднесарматской культуры. Прделанная работа привела А.С. Скрипкина к логическому выводу об отнесении верхней хронологической границы раннесарматской культуры к рубежу эр. Среднесарматская культура же должна датироваться I – второй половиной II в. н. э. [24–26].

Независимо от исследований А.С. Скрипкина, к возможности датирования прохоровской (раннесарматской) культуры II–I вв. до н. э. приходит С.В. Полин [17, с. 132–133].

Идея передатировки раннесарматской культуры в сторону омоложения ее верхнего рубежа нашла поддержку в работах других исследователей. А.В. Симоненко [21, с. 7–29], И.В. Сергацков [19; 20], В.П. Глебов [4], А.П. Медведев [13] пришли к аналогичному или близкому выводу.

С другой стороны стала развиваться тенденция, удрежняющая начальную дату раннесарматской (прохоровской) культуры в Южно-Уральском регионе. Начало этой тенденции было положено работами А.Х. Пшеничнюка и А.Д. Таирова в соавторстве с А.Г. Гаврилюком. А.Х. Пшеничнюк отмечал, что для памятников Зауралья савроматского времени конца VI–V вв. до н. э. характерно наличие типично «прохоровских» черт в керамическом комплексе и погребальном обряде [18, с. 81, 82, 128]. А.Д. Таиров и А.Г. Гаврилюк полагали, что во второй половине VI – начале V в. до н. э. в Южном Зауралье в результате установления местным населением контактов с племенами скифо-савроматского круга начинает формироваться самобытная кочевническая культура. Она отлична от савроматской культуры, в ней ярко прослеживаются сакские черты. Первоначально носителями ведущих элементов новой культуры (южная ориентировка, подбой, катакомбы, белые подсыпки и др.) была военно-жреческая знать, впоследствии эти культурные элементы стали общесарматскими [30, с. 141–152].

Дальнейшая разработка периодизации кочевнических древностей раннего железного века Южного Приуралья позволила А.Д. Таирову считать, что территория Южного Приуралья в VI–V вв. до н. э. была занята кочевниками, носителями прохоровской культуры. В развитии этой культуры он выделял четыре этапа: древнепрохоровский (вторая половина VI – V в. до н. э.), раннепрохоровский (конец V – IV в. до н. э.), прохоровский (III – первая половина II в. до н. э.) и позднепрохоровский (II–I вв. до н. э.) [32, с. 16].

Позже для Южного Зауралья эта периодизация А.Д. Таировым была несколько уточнена. Памятники ранних кочевников этого региона были разделены на четыре последовательные стадии. Стадия А: VII – середина VI в. до н. э.; стадия В: вторая половина VI – середина V в. до н. э. (древнепрохоровский этап); стадия С: вторая половина V – IV в. до н. э. (раннепрохоровский этап); стадия D: III–II вв. до н. э. (прохоровский этап) [31, с. 3–6].

В автореферате докторской диссертации А.Д. Таиров говорит о формировании раннесарматской культуры в Южном Зауралье на основании, как минимум, четырех компонентов. Один из них местный, известный на этой территории в VII–VI вв. до н. э., и три пришлых. В качестве пришлых компонентов он называет саков Юго-Восточного Приаралья, скифов восточно-европейской степи и кочевников Северного и Северо-Западного Китая. Этот процесс А.Д. Таиров относит к древнепрохоровскому периоду и датирует его VI–V вв. до н. э. [33, с. 16–17]. Позже он определяет время проникновения «пришельцев» из Северного Китая в Южное Приуралье и Зауралье. Анализируя вещественный материал, он приходит к выводу, что эти миграции происходили в V–IV вв. до н. э. и что многие новые формы инвентаря (оружие, украшения, зеркала различных типов) были принесены оттуда [34, с. 71–72].

По мере уточнения хронологии раннесарматских древностей возникли трудности с выделением памятников III в. до н. э. Во многих степных регионах не удавалось выделить достоверные кочевнические погребальные памятники III в. до н. э., за исключением комплексов ранней части столетия.

Согласно одной из точек зрения на данную проблему, сформулированной В.Ю. Зуе-

вым, памятники номадов развитого III в. до н. э. не выделяются по той причине, что в большинстве регионов степи в это время в силу каких-то обстоятельств вообще отсутствовало постоянное кочевое население. В.Ю. Зуев обратился к эпонимному памятнику – Прохоровским курганам. Он разделил курганы у с. Прохоровка, раскопанные в начале XX в., на две группы, по два кургана в каждой, одну из которых датировал рубежом V–IV вв. до н. э., а вторую – рубежом II–I вв. до н. э. [9]. Таким образом, В.Ю. Зуев склонен был считать, что данный памятник относится не к одной, а к двум культурам со значительным хронологическим разрывом между ними, охватывающим III в. до н. э. [8, с. 87, 99]. Этот вывод В.Ю. Зуева относится практически ко всей территории нахождения памятников прохоровской культуры. Для комплексов V–IV вв. до н. э. он предложил название «филипповская культура», оставив название «прохоровская культура» за памятниками II–I вв. до н. э. На время III – первой половины II в. до н. э., по его мнению, приходится период дестабилизации, характеризующийся практическим отсутствием сарматских памятников этого времени [9, с. 45–50]. В связи с упомянутыми и другими работами В.Ю. Зуева остро встал вопрос о единстве раннесарматской культуры и генетической преемственности между ранними и поздними периодами этой культуры.

Противники концепции В.Ю. Зуева отстаивали идею непрерывного развития раннесарматской культуры, согласно которой памятники III в. до н. э. трудно выделяются из общей массы раннесарматских комплексов, так как не содержат узкодатированных хроноиндикаторов. Еще одной причиной сложности выделения памятников указанного времени, по мнению ряда авторов, являлось то, что обрядовый погребальный комплекс раннесарматской культуры окончательно сложился уже к концу IV в. до н. э. и без кардинальных изменений практиковался на протяжении всего раннесарматского времени [16, с. 10, 47; 11, с. 96]. Для выявления раннесарматских памятников III в. до н. э. В.М. Клепиков предложил метод «зажатых датировок», который основан на взаимовстречаемости вещей раннего и позднего периодов раннесарматской культуры. Суть

этого метода заключалась в следующем: если типы вещей, характерные для IV в. до н. э., но отсутствующие в памятниках II–I вв. до н. э., и наоборот – типы вещей, характерные для II–I вв. до н. э., но отсутствующие в памятниках IV в. до н. э., встречаются вместе в закрытом комплексе, то можно предположить, что данный комплекс относится к промежуточному времени, то есть к III в. до н. э. [10, с. 117]. Этот метод основан на предположении, что отдельные типы вещей, известные в памятниках IV в. до н. э., могли использоваться и позже, а типы вещей, которые известны в погребениях II–I вв. до н. э., могли появиться раньше. На основании этого метода в Нижнем Поволжье был выделен пласт сарматских памятников III в. до н. э. [12].

В 2003–2005 гг. Прохоровские курганы были доследованы экспедицией Л.Т. Яблонского. Полученные результаты внесли ясность в датировку эпонимного памятника и позволили прекратить споры о его дате и культурной принадлежности. Оказалось, что в раскопанных в начале XX в. курганах находилось не по одному, а по несколько захоронений, расположенных кольцом вокруг основного центрального погребения. Подобное расположение погребений является одной из характерных черт обряда раннесарматской культуры. Всего в Прохоровских курганах было обнаружено 36 захоронений, относящихся к раннесарматскому времени. На основании новых находок в начале XX в. из этих курганов был сделан вывод о том, что «курганы у д. Прохоровка образуют компактную в хронологическом отношении группу, датируемую IV–III вв. до н. э. А вместе с другими археологическими комплексами (Переволочаны, Бердянка, Старые Кишки, Покровка и др.) документируют непрерывное развитие раннесарматской культуры Южного Приуралья в IV–II вв. до н. э.» [14, с. 114].

В новейшей монографической публикации погребальные комплексы Прохоровских курганов датированы IV – началом II в. до н. э., что позволило ее автору заявить: «Таким образом, окончательно установлено, что могильник у д. Прохоровка как в капле воды отражает почти все этапы развития так называемой “раннесарматской (прохоровской) культуры” и в этом смысле раннесарматская

культура вполне соответствует присвоенному ей эпониму» [35, с. 83]

В результате исследований, охвативших практически целый век, начиная от грабительских раскопок крестьянами Прохоровских курганов в начале XX в. до их окончательного исследования в начале XXI в., была выявлена следующая картина. Элементы прохоровской культуры зарождаются в Зауралье во второй половине VI – V вв. до н. э. (древнепрохоровский этап, по А.Д. Таирову), на южноуральской основе происходит окончательное формирование прохоровской культуры в своем классическом варианте (IV–II вв. до н. э.), на территории Нижнего Поволжья, Нижнего и Среднего Дона, Северного Причерноморья выделен пласт памятников, датирующийся II–I вв. до н. э., которые сохраняют традиции прохоровской культуры в погребальном обряде и материальной культуре.

Таким образом, оказалось, что прохоровская (раннесарматская) культура охватывает огромный временной период, практически около полтысячелетия, не сравнимый по длительности с другими сарматскими культурами (среднесарматской и позднесарматской). В связи с этим возникает ряд вопросов: правомочно ли весь этот период объединять в рамках одной археологической культуры; насколько необходимо создание региональных периодизаций раннесарматской культуры; о правомочности отнесения памятников II–I вв. до н. э. к раннесарматской культуре.

А.С. Скрипкин, впервые выделивший сарматские памятники II–I вв. до н. э., указывал на особенность этой группы памятников, которая заключается в том, что в них находятся вещи, которые будут продолжать встречаться и в среднесарматское время, хотя погребальный обряд этих памятников остается без особых изменений. В этой связи автор приходит к выводу, что сарматские памятники II–I вв. до н. э. для Азиатской Сарматии гармонично сочетаются с раннесарматскими памятниками Северного Причерноморья того же времени и, вероятно, составляют единый хронологический пласт погребальных памятников [22]. В совместной статье В.М. Клепикова и А.С. Скрипкина, посвященной хронологии раннесарматской культуры Нижнего Поволжья, были выделены три группы памятников, датируемые IV, III и II–I вв. до н. э.

Комплексы III в. до н. э. были определены как переходные между ранней и поздней группами. Памятники II–I вв. до н. э. авторы определяют как самостоятельный этап раннесарматской культуры, поскольку, несмотря на ряд инноваций, они сохраняют традиции раннесарматской культуры. Подробный анализ вещевого материала и погребального обряда позволил авторам утверждать, что между поздним и предыдущими периодами рассматриваемой культуры существует археологическая преемственность. Об этом свидетельствует сохранение или развитие ряда деталей погребального обряда предшествующего времени, а именно: типы ям, преобладание впускных погребений и южной ориентировки погребенных. Такая же тенденция видна и на примере вещевого материала, который представлен мечами с серповидным навершием, бронзовыми зеркалами с валиком по краю диска, костяными полированными проколками. Но в то же время в комплексах II–I вв. до н. э. обозначены и совершенно новые детали, такие как: высокий процент северной ориентировки погребенных, погребение в колодах, присутствие в могильных ямах колес от повозок, бронзовых ажурных и гагатовых пряжек, длинных мечей без металлического навершия и с ромбическим перекрестием, мечей с кольцевидным навершием и т. д. По мнению авторов, часть этих новаций имеет восточное происхождение, что может говорить о миграции населения из центральной Азии на запад в район Нижнего Поволжья [12, с. 67–68; 28 с. 100]. Эти инновации не приводят к автоматическому изменению погребального обряда, а напротив: особенность данного периода состоит в том, что новые категории вещей включаются в контекст раннесарматской культуры [23, с. 25].

О возможной миграции во II в. до н. э. в восточно-европейские степи с востока нового населения свидетельствуют и антропологические данные. Во II–I вв. до н. э. в Нижнем Поволжье появляется новый антропологический тип, который формировался под влиянием этнических групп, не имеющих ничего общего с ранними сарматами IV–III вв. до н. э. [1, с. 107–110]. Хотя раннесарматское население на позднем этапе сохраняет в общем морфотип, характерный для их предше-

ственников, но краниологический материал свидетельствует о включении в раннесарматскую среду миграционного длинноголового высокочувствительного компонента, сочетающего более узкий лоб и лицевой скелет [2, с. 72].

Наличие восточных инноваций в материальной культуре сарматов II–I вв. до н. э. и появление в то же время нового населения исследователями связывается с передвижением из Центральной Азии отдельных групп кочевников в результате экспансии хунну, создавших к северу от Китая в конце III в. до н. э. мощную кочевую державу. Китайские письменные источники свидетельствуют об уходе от северо-восточных границ Китая под давлением хунну, юэчжей и усуней в районы Средней Азии, что приводит к существенным изменениям в этнической номенклатуре этого региона. Археологические новации, появившиеся в это время в среднеазиатском регионе, находят соответствие и в материальной культуре сарматов Волго-Донских степей, и здесь уже в сочинениях античных авторов появляются названия новых народов: роксоланы, аорсы, сираки. Все это значительно усложняет определение статуса сарматских памятников II–I вв. до н. э. С одной стороны, в Нижневолжском регионе, как уже отмечалось, исследователи усматривают преемственность в погребальном обряде и материальной культуре между сарматскими комплексами II–I вв. до н. э. и памятниками предшествующего времени, с другой – на Нижнем Дону такая преемственность не наблюдается. Памятников IV – начала III в. до н. э. с элементами раннесарматской культуры здесь немного, практически не выделяются комплексы собственно III в. до н. э. Интенсивное распространение сарматских памятников II–I вв. до н. э. на Нижнем Дону рассматривается как самостоятельное явление, не связанное с традициями кочевого населения IV – начала III в. до н. э. [3, с. 94; 5, с. 19–23]. Однако В.П. Глебов относит нижнедонские памятники II–I вв. до н. э. к раннесарматской культуре, тем самым отождествляя их с общим массивом раннесарматской культуры, истоки которой сформировались в Южном Приуралье.

Таким образом, проблемы хронологии и периодизации раннесарматской культуры яв-

ляются наиболее дискуссионными в сарматской археологии. Это касается и терминологии, в частности – насколько правомерно адекватное употребление терминов «прохоровская культура» и «раннесарматская культура», поскольку раннесарматская культура Северного Причерноморья и в определенной мере Нижнего Дона мало что имеет общего с прохоровской культурой Южного Приуралья [27, с. 119–128]. Особого внимания требует изучение сарматских памятников II–I вв. до н. э., определение их культурного статуса, так как наряду с сохранением традиции раннесарматской культуры в них появляются отдельные элементы, которые получают свое развитие в среднесарматское время. Такая работа уже началась в отношении Нижнедонского региона (В.П. Глебов) и Северного Причерноморья (А.В. Симоненко), но она еще далека от своего завершения. В этом отношении слабоизученным является Нижнее Поволжье, где развитие сарматских культур отличалось своей спецификой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балабанова, М. А. Антропологический состав и происхождение раннесарматского населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья / М. А. Балабанова // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 105–115.
2. Балабанова, М. А. Новые данные об антропологическом типе сарматов / М. А. Балабанова // Российская Археология. – 2010. – № 2. – С. 67–78.
3. Глебов, В. П. К вопросу о генезисе раннесарматской культуры / В. П. Глебов // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы : тез. докл. VII Донской археол. конф. – Ростов н/Д : [б. и.], 1998. – С. 93–95.
4. Глебов, В. П. О заключительной фазе раннесарматской культуры на Нижнем Дону / В. П. Глебов // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2000. – Вып. 2. – С. 170–186.
5. Глебов, В. П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II–I вв. до н. э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Глебов Вячеслав Петрович ; [Юж. федер. ун-т]. – М., 2010. – 31 с.

6. Граков, Б. Н. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 года / Б. Н. Граков // Тр. Секции археологии РАНИОН. – М. : [б. и.], 1928. – С. 145–155.
7. Граков, Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов / Б. Н. Граков // ВДИ. – 1947. – № 3. – С. 100–121.
8. Зуев, В. Ю. Основные проблемы хронологии «раннесарматской культуры» / В. Ю. Зуев // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 85–104.
9. Зуев, В. Ю. Переодизация археологических памятников центральной части евразийского пояса степей I тысячелетия до н. э. / В. Ю. Зуев // Скифы, Хазары, Славяне, древняя Русь : Междунар. науч. конф., посвященная 100-летию со дня рождения М.И. Артамонова. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. – С. 45–51.
10. Клепиков, В. М. Памятники III в. до н. э. в Нижнем Поволжье / В. М. Клепиков // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 116–124.
11. Клепиков, В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н. э. / В. М. Клепиков. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. – 215 с.
12. Клепиков, В. М. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья / В. М. Клепиков, А. С. Скрипкин // Нижневолжский археологический вестник. – 2002. – Вып. 5. – С. 47–81.
13. Медведев, А. П. Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону / А. П. Медведев // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар : [б. и.], 2004. – С. 86–94.
14. Мещеряков, Д. В. Старая коллекция находок из Прохоровки в свете новейших археологических исследований / Д. В. Мещеряков, В. К. Федоров, Л. Т. Яблонский // Российская Археология. – 2006. – № 1. – С. 107–116.
15. Мошкова, М. Г. Памятники прохоровской культуры САИ Д 1–10 / М. Г. Мошкова. – М. : Изд-во академии наук СССР, 1963. – 56 с.
16. Мошкова, М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры / М. Г. Мошкова. – М. : Наука, 1974. – 52 с.
17. Полин, С. В. Хронология раннесарматской прохоровской культуры / С. В. Полин // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. – Киев : Наукова думка, 1987. – С. 132–133.
18. Пшеничнюк, А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала / А. Х. Пшеничнюк. – М. : Наука, 1983. – 200 с.
19. Сергацков, И. В. К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья / И. В. Сергацков // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар : [б. и.], 2004. – С. 107–116.
20. Сергацков, И. В. О конечной дате раннесарматской культуры / И. В. Сергацков // Нижневолжский археологический вестник. – 2000. – Вып. 3. – С. 113–123.
21. Симоненко, А. В. Сарматы Таври / А. В. Симоненко. – Киев : Наукова думка, 1993. – 144 с.
22. Скрипкин, А. С. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II–I вв. до н. э. / А. С. Скрипкин // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 137–149.
23. Скрипкин, А. С. К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур / А. С. Скрипкин // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2006. – Вып. 1. – С. 5–27.
24. Скрипкин, А. С. Некоторые итоги изучения хронологии сарматской культуры / А. С. Скрипкин // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье–Приазовье : (тез. докл. к семинару). – Новочеркасск : [б. и.], 1987. – С. 34–35.
25. Скрипкин, А. С. О хронологии сарматской культуры / А. С. Скрипкин // Археология Восточно-Европейских степей. – Саратов : Изд-во СГУ, 1989. – С. 155–157.
26. Скрипкин, А. С. Проблемы хронологии сарматской культуры и ее исторический аспект / А. С. Скрипкин // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС : тез. докл. Всесоюз. конф. – Суздаль : Наука, 1987. – 231 с.
27. Скрипкин, А. С. Раннесарматская культура (проблема периодизации и терминологии) / А. С. Скрипкин // Региональные особенности раннесарматской культуры : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – Вып. II. – С. 119–129.
28. Скрипкин, А. С. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья / А. С. Скрипкин, В. М. Клепиков // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар : [б. и.], 2004. – С. 95–106.
29. Смирнов, К. Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья / К. Ф. Смирнов // Доклады и сообщения исторического факультета. – М. : Изд-во МГУ, 1947. – Вып. 5. – С. 75–82.

30. Таиров, А. Д. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры / А. Д. Таиров, А. Г. Гаврилюк // Проблемы археологии урало-казахстанских степей : межвуз. сб. – Челябинск : [б. и.], 1988. – С. 141–159.

31. Таиров, А. Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н. э. / А. Д. Таиров // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар : [б. и.], 2004. – С. 3–12.

32. Таиров, А. Д. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция / А. Д. Таиров // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Междунар. конф. «Пробле-

мы сарматской археологии и истории». – Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 16–28.

33. Таиров, А. Д. Ранние кочевники Урало-Казахстанских степей в VII – II вв. до н. э. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.06 / Таиров Александр Дмитриевич. – М., 2005. – 54 с.

34. Таиров, А. Д. Этнокультурные процессы в степях Южного Урала во второй половине V – IV в. до н. э. / А. Д. Таиров // Российская Археология. – 2006. – № 1. – С. 71–78.

35. Яблонский, Л. Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии / Л. Т. Яблонский // МИАР. – 2010. – № 12.

36. Rau, P. Die Hügelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga / P. Rau. – Pokrowsk : [s. n.], 1927. – 112 с.

STUDY OF EARLY SARMATIAN CULTURE PERIODIZATION

P.A. Korobkov

The article analyzes the literature on periodization Early Sarmatian culture. Showing contentious issues related to the Sarmatian Archaeology, terminology and periodization Early Sarmatian culture. Highlighted the status of monuments II–I century. BC in the Lower Volga.

Key words: *Early Sarmatian, periodization, Prokhorovka culture, archeology, the Lower Volga region, chronology.*